

ГАНС ХРИСТИАН
АНДЕРСЕН

СКАЗКИ

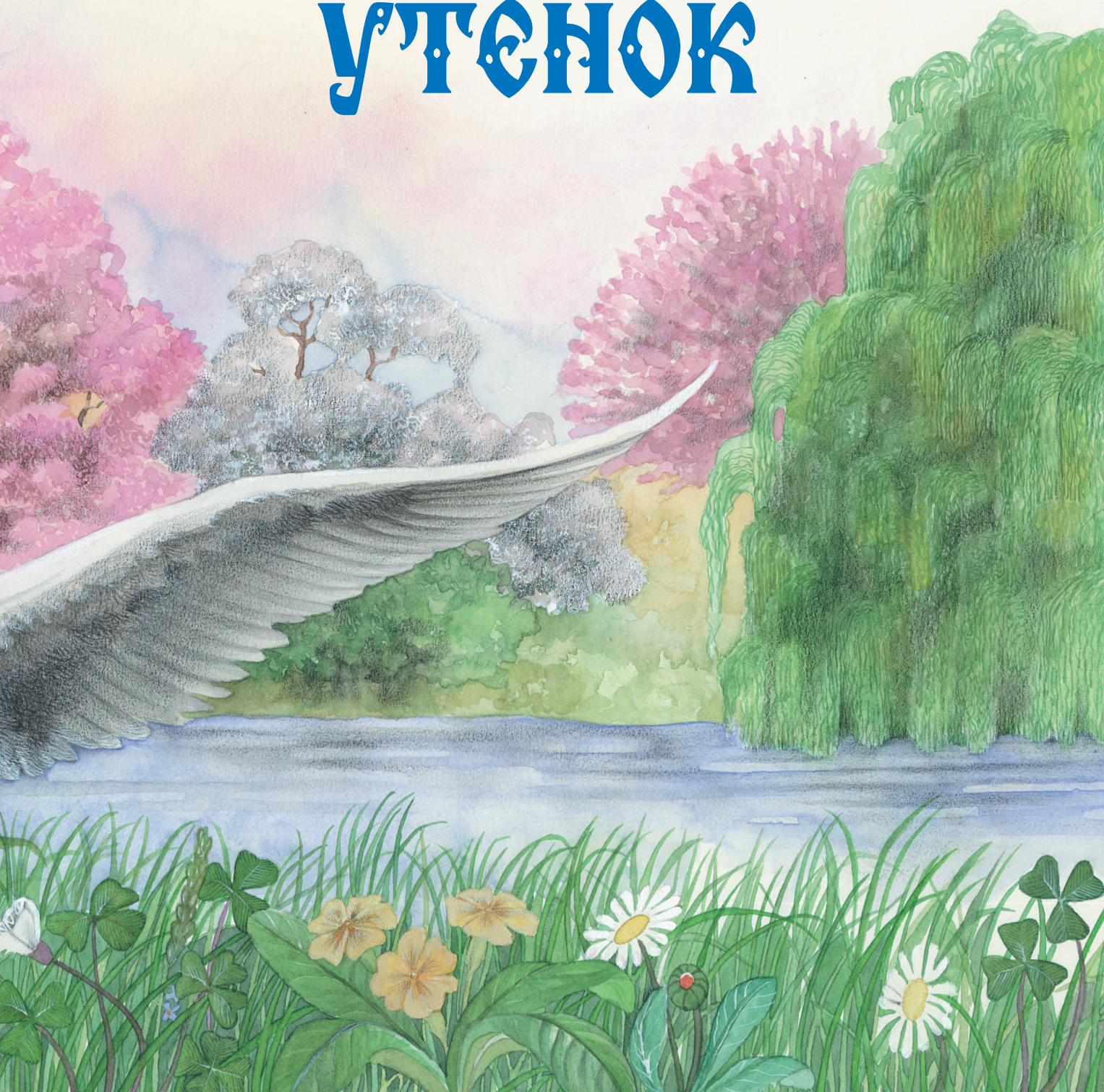

эксмогетство

Москва
2026

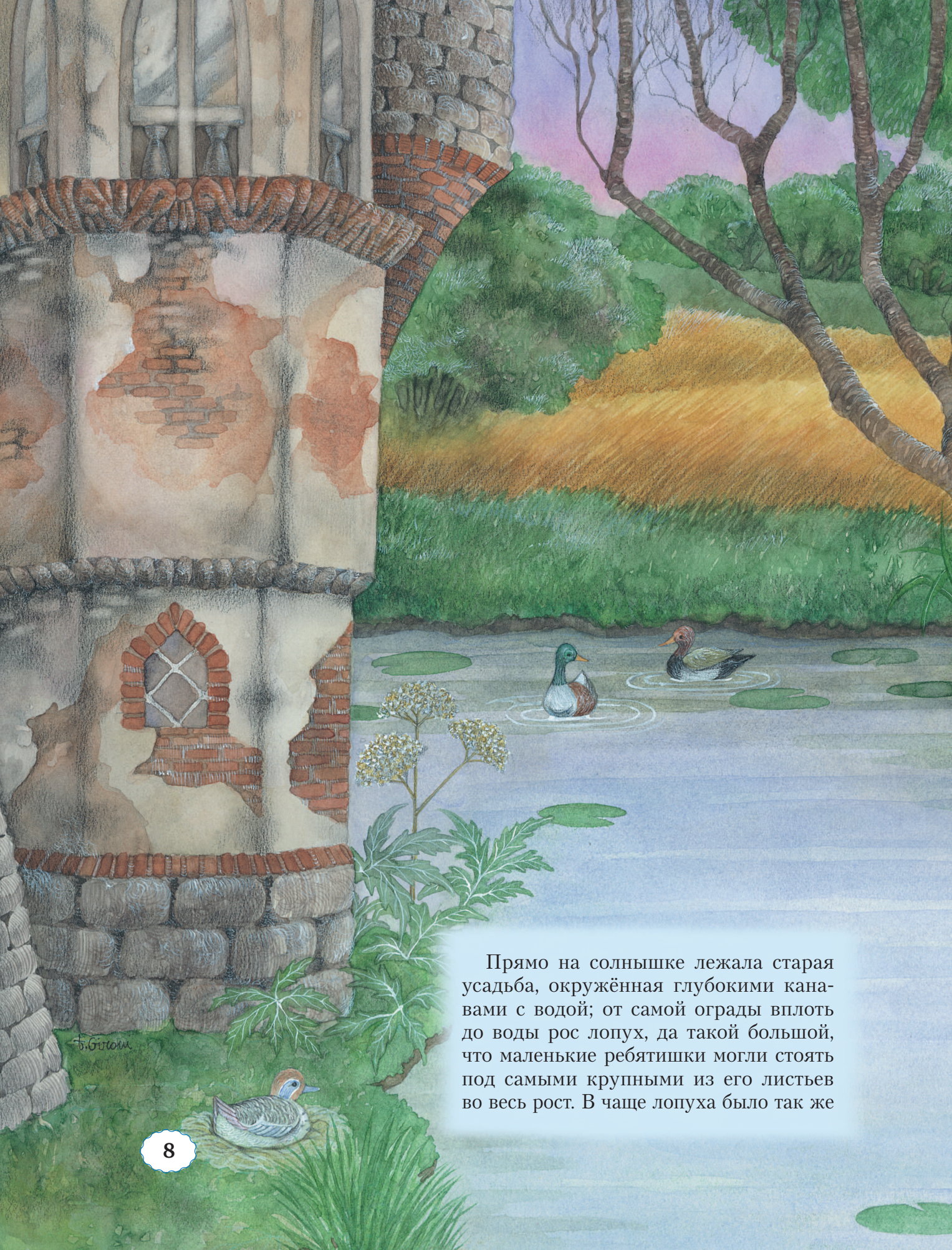
ГАДКИЙ УТЁНОК

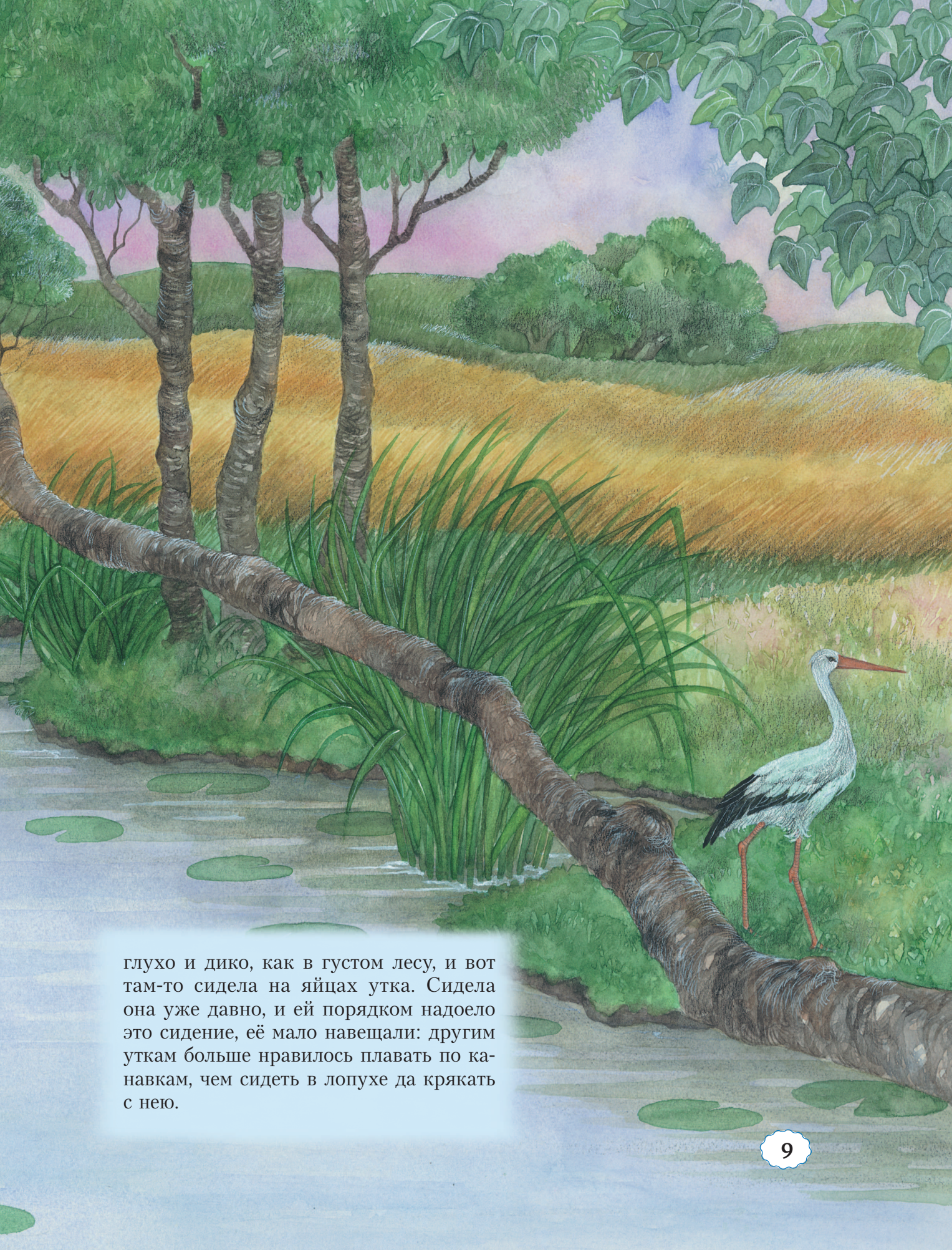

Хорошо было за городом! Стояло лето, рожь уже пожелтела, овсы зеленели, сено было сметано в стоги; по зелёному лугу расхаживал длинноногий аист и болтал по-египетски — он выучился этому языку от матери. За полями и лугами тянулись большие леса с глубокими озёрами в чаще. Да, хорошо было за городом!

Прямо на солнышке лежала старая усадьба, окружённая глубокими канавами с водой; от самой ограды вплоть до воды рос лопух, да такой большой, что маленькие ребята могли стоять под самыми крупными из его листьев во весь рост. В чаще лопуха было так же

глухо и дико, как в густом лесу, и вот там-то сидела на яйцах утка. Сидела она уже давно, и ей порядком надоело это сидение, её мало навещали: другим уткам больше нравилось плавать по канавкам, чем сидеть в лопухе да кричать с нею.

Наконец яичные скорлупки затрещали. «Пи! пи!» — слышалось из них: яичные желтки ожили и повысунули из скорлупок носики.

— Живо! Живо! — закрикала утка, и утята заторопились, кое-как выкарабкались и начали озираться кругом, разглядывая зелёные листья лопуха; мать не мешала им — зелёный свет полезен для глаз.

— Как мир велик! — сказали утята.

Ещё бы! Теперь у них было куда больше места, чем тогда, когда они лежали в яйцах.

— А вы думаете, что тут и весь мир? — сказала мать. — Нет! Он тянется далеко-далеко, туда, за сад, к полю священника, но там я отроду не бывала. Ну, все, что ли, вы тут? — И она встала. — Ах нет, не все! Самое большое яйцо целёхонько! Да скоро ли этому будет конец! Право, мне уж надоело.

И она уселась опять.

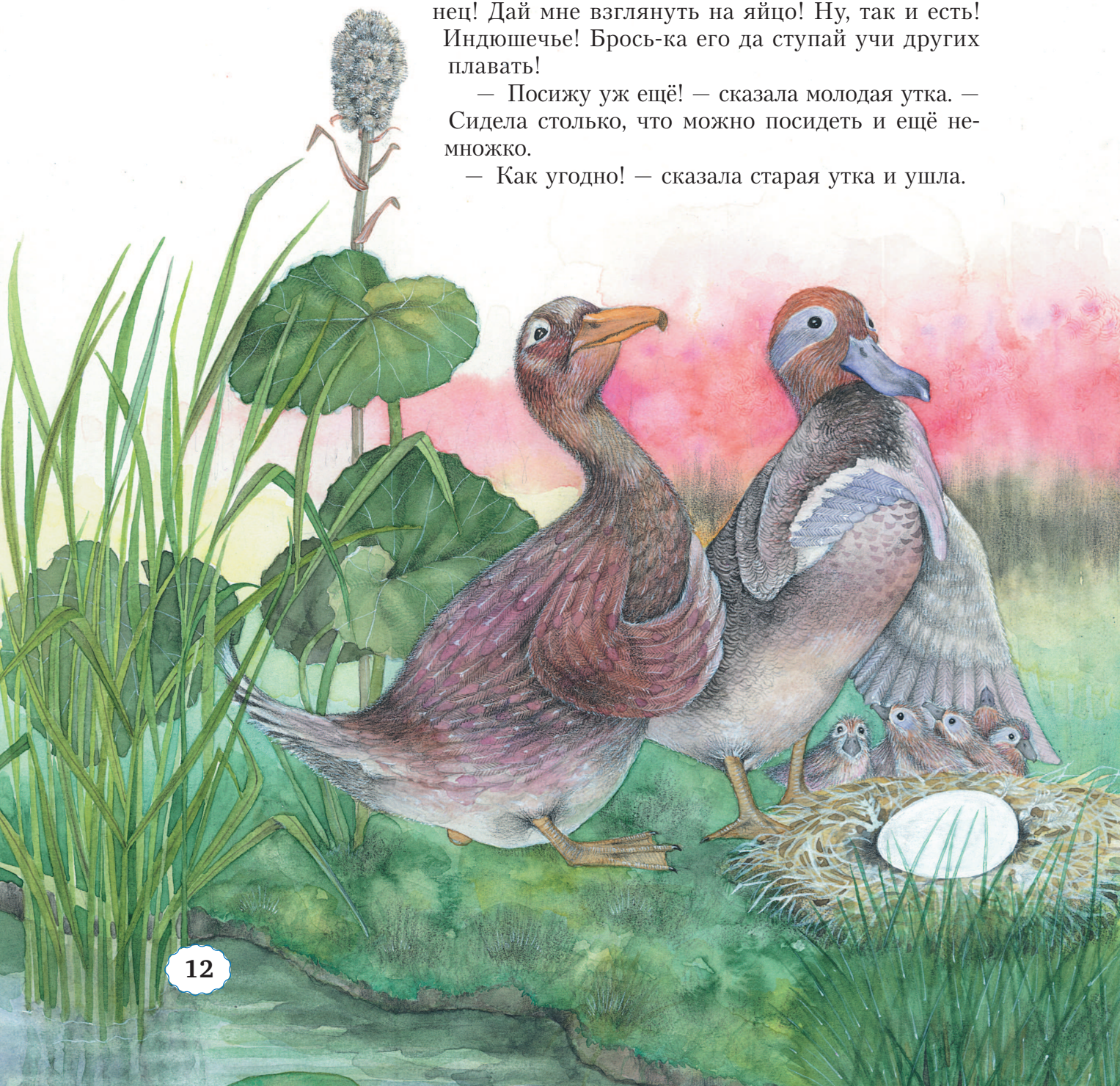
— Ну, как дела? — заглянула к ней старая утка.

— Да вот, ещё одно яйцо остаётся! — сказала молодая утка. — Сижу, сижу, а всё толку нет! Но посмотри-ка на других! Просто прелесть! Ужасно похожи на отца! А он-то, негодный, и не навестил меня ни разу!

— Постой-ка, я взгляну на яйцо! — сказала старая утка. — Может статься, это индюшечье яйцо! Меня тоже надули раз! Ну и маялась же я, как вывела индюшат! Они ведь страсть боятся воды; уж я и крикала, и звала, и толкала их в воду — не идут, да и конец! Дай мне взглянуть на яйцо! Ну, так и есть! Индюшечье! Брось-ка его да ступай учи других плавать!

— Посижу уж ещё! — сказала молодая утка. — Сидела столько, что можно посидеть и ещё немножко.

— Как угодно! — сказала старая утка и ушла.

Наконец затрещала скорлупка и самого большого яйца. «Пи! пи-и!» — и оттуда вывалился огромный некрасивый птенец. Утка оглядела его.

— Ужасно велик! — сказала она. — И совсем не похож на остальных! Неужели это индюшонок? Ну, да в воде-то он у меня побывает, хоть бы мне пришлось столкнуть его туда силой!

На другой день погода стояла чудесная, зелёный лопух весь был залит солнцем. Утка со всею своею семьёй отправилась к канаве. Бултых! — и утка очутилась в воде.

— За мной! Живо! — позвала она утят, и те один за другим тоже бултыхнулись в воду.

Сначала вода покрыла их с головками, но затем они вынырнули и поплыли так, что любо. Лапки у них так и работали; некрасивый серый утёнок не отставал от других.

— Какой же это индюшонок? — сказала утка. — Ишь как славно гребёт лапками, как прямо держится! Нет, это мой собственный сын! Да он вовсе

и недурён, как посмотришь на него хорошенько! Ну, живо, живо, за мной! Я сейчас введу вас в общество — мы отправимся на птичий двор. Но держитесь ко мне поближе, чтобы кто-нибудь не наступил на вас, да берегитесь кошек!

Скоро добрались и до птичьего двора. Батюшки! Что тут был за шум и гам! Две семьи дрались из-за одной угриной головки, и в конце концов она досталась кошке.

— Вот как идут дела на белом свете! — сказала утка и облизнула язычком клюв — ей тоже хотелось отве-
дать угриной головки. — Ну, ну, шевелите лапками! —
сказала она утятам.